Нынешнее состояние России и заграничные русские деятели.

гл. IV - V

У 159/202

НЫНѢШНЕЕ

СОСТОЯНІЕ РОССІИ

II

ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

ГЛАВА IV и V.

BERLIN
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG,
(E. BOCK.)
27, UNTER DEN LINDEN.
1862.

A3

2007051181

XX-3685

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ И ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Глава IV.

Чего опасались, то свершилось и что надѣялись устранить, то рушилось надъ нашими главами: лондонская школа дошла до эпохи пожаровъ, каѳедра Герцена прославилась и перейдетъ къ потомству конечно на справедливый судъ! Вы скажете Александръ Ивановичъ: „такъ далеко я не хотѣлъ зайти;“ или: „я желалъ только смерти Царю, его семейству, всему дворянству, всѣмъ чиновникамъ, конечно кромѣ себя и своихъ дѣтей“ или наконецъ вы съ торжествомъ скажете: „наша взяла!“ Но виноватъ; есть еще изворотъ: постыдное дѣйствіе поджигателей, стремящихся чрезъ пожары опрокинуть существующій государственный порядокъ, возстановить низшій классъ народа противъ правительства и зажиточныхъ, я за хорошее дѣло признать не могу, а потому проливаю слезы, что въ полдня времени 15000 бѣднаго народа окончательно разорено, на 20 милліоновъ товара и имущества погибло и. т. п. „Да вамъ и нельзя

для вашей личной пользы иначе выразиться, ибо ненависть къ вамъ, за ваши возмутительныя дѣйствія, достигла крайнихъ предѣловъ.

Теорія вашихъ дѣйствій была ожесточить народъ противъ Царя; и чтоже вы достигли? Жаль, что вы не могли быть свидѣтелемъ — съ какой любовью и преданностью народъ, добрый русскій народъ, котораго вы годами старались развратить топорнымъ вашимъ направленіемъ, этотъ народъ на колѣнахъ передъ Царемъ, когда Онъ поспѣшилъ на мѣсто бѣдствія, благодарилъ Его за участіе со слезами, и единодушнымъ „ура! привѣтствовалъ Его, какъ знакомъ своей безпредѣльной преданности къ Тому Который ему даровалъ свободу и милость; но тотъ же народъ кричалъ: „Накажи Царь злодѣевъ, безпощадно накажи, защити насъ отъ нихъ; будь строже!“ А вы, Александръ Ивановичъ, мечтали что народъ тутъ-то и подыметъ топоры. Нѣтъ, не бывать по вашему и пусть же васъ грызетъ отчаяніе, и совѣсть ваша пусть переговоритъ съ вами при видѣ плодовъ вашего руганія. Вотъ послѣдствія увлеченія тѣхъ неопытныхъ пылкихъ людей, которые вѣрили вашимъ возмутительнымъ рѣчамъ, какъ средству достиженія благой цѣли!

Не мечтаете ли вы быть сѣвернымъ Гарибальди? Но тогда обратите ваше вниманіе на дѣйствія сего испытаннаго патріота; конечно Гарибальди пожелалъ бы Папѣ всего лучшаго: чтобы онъ отдалъ Италію и Римъ и отказался отъ свѣтской власти; но позволилъ ли себѣ Гарибальди хоть разъ употребить поруганіе на Папу? Нѣтъ, онъ по своимъ убѣжденіямъ доказывалъ невозможность существующаго порядка и жертвовалъ собою, но не позволялъ себѣ ничего неприличнаго и всегда

сожалѣлъ что, народъ въ нисшихъ слояхъ, позволялъ себѣ это; и самъ, будучи изъ народа, Гарибальди умѣлъ остаться всегда джентельменомъ.

Дѣятели ваши теперь разбѣжались; они знаютъ чего имъ ожидать отъ разореннаго народа; но судъ правильный разберетъ ихъ дѣла и конечно воздастъ достойное виновнымъ. Много будетъ жертвъ, но будьте покойны, Александръ Ивановичъ, за вашимъ крѣпкимъ угломъ, ваше мѣсто на сей разъ даетъ вамъ возможность съ улыбкою смотрѣть на гибель безпримѣрно-разореннаго народа, во имя котораго вы полагаете благоденствовать. Надо покрайней мѣрѣ сознаться, что это поражающее бѣдствіе вдругъ насъ уразумило: такъ вотъ что они хотятъ; вотъ куда они насъ повели, вотъ тотъ крюкъ, о которомъ Костомаровъ упоминалъ, говоря о человѣкѣ — освободителѣ русскаго народа — Стенькѣ Разинѣ! Отбросимъ лучше всякое заблужденіе и скорѣе падемъ къ стопамъ Царя-Отца своего народа, который неутомимо борется съ тысячами препятствій для достиженія истиннаго блага отечеству!

Александръ Ивановичъ, мы не отвергаемъ гласность и признаемъ пользу свободной печати, но нельзя же согласиться на мѣры въ той степени, чтобъ они волновали людей шаткихъ умомъ и довели до того, что вы здѣсь надѣлали: что пролито слезъ народныхъ, семейныхъ, общественныхъ; сколько бѣдствій вышло отъ вашихъ ученій, съ вашимъ краснорѣчивымъ, но ядовитымъ словомъ; вы конечно убили науку, ибо вы лишили молодыхъ людей спокойствія, необходимаго для умственной работы, не испытавъ сами тѣхъ бѣдствій, съ которыми мы столь практически ознакомливаемся чрезъ ваши дѣйствія, и которые наконецъ формируютъ ваше убѣжденіе! Къ

сожалѣнію наша молодежъ, увлеченная чтеніемъ вашихъ распаляющихъ воображеніе статей, приняла ихъ за истину, за возможное и дѣйствуетъ безсознательно, слѣпо слѣдуя вашему убѣжденію. Грустна будетъ минута ихъ пробужденія, многіе уже пробудились и не воздадутъ вамъ русскаго спасибо.

Нельзя не сожалѣть душевно, что вы на столь злобныя замыслы принесли въ жертву ваши блестящія дарованія, познанія и ваше остроумное перо; еслибъ ваши мысли не заходили за предѣлы возможнаго, вы могли принести пользу нашему дорогому отечеству; но вы постоянно желчны, спокойствіе васъ покидаетъ и вы увлекаетесь бранью на кого же? На Того, чье имя милліоны благословляютъ, Кто даже вамъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла, а сдѣлалъ добро; Который сталъ въ главѣ народа, напутствуя его къ лучшему и предъ дѣйствіями котораго народъ благоговѣетъ и всѣми своими силами ихъ поддерживаетъ.

Вы полагаете такую борьбу легче нежели она есть; но вспомните, что во всѣ времена привычки, преобладающія надъ людьми, не вдругъ оставлялись, многія изъ нихъ не только не умѣстныя, но даже сознательно вредныя, не искоренялись однимъ разомъ. Возьмемъ въ примѣръ мѣстничество. Въ свое время оно казалось необходимымъ и проявлялось во всемъ; времена перемѣнились и оно оказалось сначала излишне, а потомъ положительно вредно и правительство старалось его отмѣнить; сначала по привычкѣ держались за него крѣпко, а потомъ хотя сожгли книги разрядныя, но мысль о мѣстничествѣ не могла вдругъ изчезнуть, и теперь, когда казалось не должно бы остаться и слѣда о мѣстничествѣ, оно все же существуетъ и проглядываетъ робко,

ибо глубоко вросло въ русскую жизнь. Много есть и другихъ закоренѣлыхъ привычекъ, и неужели требовать, чтобы при всемъ дѣятельномъ стремленіи Государя къ улучшенію все двинулось вдругъ безъ борьбы со старымъ, съ вѣковыми привычками, которыя не позволяютъ многимъ провидѣть вдаль благую сторону государственныхъ прогрессивныхъ предпріятій?

Справедливо ли теперь ваше нетерпѣливое слово въ медленности движенія Россіи на пути къ улучшенію, противурѣчащее голосу всей Россіи? Все это ясно, что вы именно потому и раздражаетесь, что видите наше отечество болѣе въ лучшемъ видѣ, нежели бы вамъ хотѣлось.

Есть еще характерическая черта русская, доказывающая — сколь трудно для насъ забыть нашу старину: можетъ быть, никогда болѣе какъ нынѣ не былъ слышенъ ропотъ объ отсутствіи всякой справедливости, о неуваженіи къ закону, о протекціи и т. п. Но, прослѣдивъ жизнь и направленіе каждаго русскаго, а особенно тѣхъ, которые наиболѣе роптутъ, замѣтимъ, что они-то именно и не подчиняются никакому закону; что они, проповѣдуя общую справедливость, желаютъ себѣ изъятія, что негодуя на покровительство другимъ, сами ищутъ себѣ протекціи. Дѣйствительность не такъ легка какъ желаніе и надо ждать, чтобы племена перерождались временемъ и мало по малу передѣлывались.

Все это однакожъ не удерживаетъ Государя въ Его благихъ предначертаніяхъ, и онъ твердо идетъ впередъ, и благо народа у него и день и ночь въ душѣ. Вотъ вновь обнародованъ Указъ о соли; Царь предоставляетъ эту привиллегію въ пользу народа, и соль отнынѣ будетъ продаваться безъ прежней пошлины, по настоящей

стоимости. Нужно знать затруднительность иногда бѣднаго класса въ деньгахъ, чтобъ понять, что имѣя дома прочіе продукты, ему затруднительно бывало, при прежнихъ цѣнахъ, покупать на деньги соль, и потому солью народъ всегда дорожилъ.

Къ безпрерывной заботѣ о благѣ своего народа, отеческое сердце Государя должно было испытать нынѣ тягостнѣйшій ударъ, при видѣ новыхъ бѣдствій не отъ внѣшняго врага, не отъ неурожая или болѣзни, но отъ злодѣянія, превышающаго всякое вѣроятіе, стремящагося къ своей цѣли разореніемъ бѣднаго класса людей въ надеждѣ возвысить себя, захватить бразды правленія; видѣть и надѣяться что въ главѣ ихъ будетъ стоять г. Герценъ. Читайте всѣ возможные журналы заграничные, и вы сами удивитесь, какъ отзываются повсюду о вашихъ дѣйствіяхъ; какъ всѣ согласны, что всѣ эти жертвы есть плоды необузданныхъ стремленій г. Герцена; что онъ ихъ губитъ для своего тщеславія и своихъ выгодъ, и какъ заманчиво онъ ихъ соблазняетъ, ставя себя какою-то двигающею силою: онъ пишетъ, что ему шлютъ деньги на какія то цѣли, на передачу какимъ то лицамъ: все это слова, прекрасно выраженныя по англійски: пуфъ!

Деньги шлютъ на помощь разоренному народу, Царь въ главѣ всѣхъ дѣлаетъ, что̀ возможно; а слѣдуя его примѣру вѣрные русскіе не остаются позади. Если бы эти заграничные дѣятели видѣли моментъ посѣщенія Императрицею новаго рынка на Семеновскомъ плацѣ, то задумались бы надъ степенью обоюдной привязанности Царствующаго Дома и народа. Торгующій классъ приносилъ товаръ, который она, желая имъ помочь, хотѣла купить, но они денегъ не брали и много Ей стоило

труда, чтобъ они приняли эту помощь. Еслибъ вамъ, Александръ Ивановичъ, случилось быть зрителемъ всего этого, то одного такого случая достаточно, чтобъ замолкнуть навсегда вашему дерзновенному перу, и какъ велика должна бы быть ваша обманчивость надеждъ вашихъ на возмущеніе русскаго народа!

Не только въ бо̀льшей части иностранныхъ газетъ, но и сами русскіе не могли не выразить своего полнаго негодованія и презрѣнія къ дѣйствіямъ заграничныхъ дѣятелей подъ фирмою: „для блага русскаго народа“. Газеты заграничныя, которыя мы могли досихъ поръ прочесть, выражающія негодованіе ихъ къ этой фирмѣ, суть:

Аугсбургская газета N₀. 21, 65.
Всеобщая прусская газета 13 Января N°. 52, 101.
Шпенерская N°. 8, 38, 45, 60, 106, 147, 148.
Крестовая газета N°. 53, 58, 101.
Вѣнская газета N°. 19.
Новая Гановерская газета N₀. 3, 5, 7.
Сѣверно-Германская Корреспонденція N°. 192.
Берлинскіе военные листки N°. 7.
Берлинское обозрѣніе N°. 2, 3, Іюля.

Не возможно слѣдить одному за всѣми иностранными газетами, но всякій почти ежедневно узнаѐтъ о новыхъ статьяхъ, противуборствующихъ направленію Герцена и появляющихся въ печати съ тѣхъ поръ, какъ Германіи, Франціи и Англіи сдѣлалось извѣстно точное содержаніе отзывовъ его о Россіи и о Царствующемъ Домѣ. Но г. Герценъ вѣроятно и здѣсь не затруднится сказать, что всѣ онѣ подкуплены.

Русскіе журналы тоже не могли болѣе молчать и высказали свою оппозицію къ направленію сочиненій Герцена, но по мнѣнію его и Сѣверная Пчела, вѣроятно,

тоже подкуплена, мы же знаемъ, что эта газета имѣетъ самостоятельное мнѣніе и на брань Герцена смотрѣть не станетъ. Она говоритъ: мы пишемъ во имя закона, мы не боимся навлечь на себя гнѣвъ Государя, слезы котораго, при бѣдствіи 28го Мая, русскій народъ никогда не забудетъ. Пусть на насъ сѣтуютъ другіе — намъ до этого дѣла нѣтъ, для насъ лишь Государь, законъ и народъ. Скажутъ, что надо успокоивать, а не возбуждать народъ къ неудовольствію, мы только этого и желаемъ и кто изъ благомыслящихъ людей не желаетъ того же? Возбужденіе народа къ неудовольствіямъ могутъ желать только люди, подобные безумцамъ, занимающимся распространеніемъ послѣдней прокламаціи, которые, по своему неразумію, думаютъ передѣлать Россію, сообразно своимъ химерическимъ мудрованіямъ, которымъ русской народъ никогда не можетъ сочувствовать, потому что онъ обладаетъ здравымъ смысломъ и знаетъ свои нужды и потребности лучше умниковъ, занимающихся вредной литературой. Можетъ ли кто оспорить и отвергать, что поджоги не были въ связи съ прокламаціями и что оба эти богопротивныя дѣйствія не получили свое начало, не уложились въ юныхъ и не опытныхъ и далеко еще не образованныхъ головахъ отъ красныхъ — адскаго слова вывезеннаго изъ Лондона.

Исторія намъ указываетъ сколь много уже зла содѣлали на свѣтѣ такъ называемые красные во имя свободы; еще Стенька Разинъ говорилъ: „хочу на Руси установить Козацкую волю, хочу чтобы всякому былъ равенъ“.

Какъ мало г. Герценъ самъ вѣритъ въ возможность осуществить то, что онъ проповѣдуетъ, можно видѣть изъ слѣдующаго: когда онъ еще въ 1847 году былъ въ

Россіи, то прослышавъ, что во Франціи готовится государственный переворотъ, и что фонды падаютъ, онъ поспѣшилъ туда и перевелъ свой капиталъ, дождался когда государственные Французскіе фонды пали до 56ⁿ, тогда онъ ихъ скупилъ не на малую сумму.. Расчетъ былъ вѣренъ: безпорядокъ не можетъ быть вѣченъ; явится новая сила, востановитъ вновь порядокъ, фонды непременно возстановятъ и, какъ умный человѣкъ, г. Герценъ разсчиталъ все навѣрное. Явился Наполеонъ, Французы вступили въ порядокъ, фонды поднялись до 96 и тогда Герценъ, купленные вновь продалъ. Не этого ли онъ добивается и въ Россіи и сталъ ревностно стараться все перевернуть?

Да, Александръ Ивановичъ, ума-то въ васъ много, но Россію вы давно покинули и теперь ее не знаете; вы ее себѣ представляете по своему воображенію; на самомъ же дѣлѣ нѣтъ части, которая бы у насъ не улучшилась. Вашъ конекъ — Графъ Панинъ; вы жедаете доказать, что онъ никуда не годится и потому называете его трехъ-полѣннымъ. Не ужели вы точно полагаете этимъ путемъ доказать, что человѣкъ не хорошъ, потому что онъ высокъ ростомъ, тогда какъ сами вы толсты? Печать ваша васъ переживетъ, а вы не безъ притязанія на имя въ будущности. Юстиція не есть дѣло дня, она всегда шла разумнымъ шагомъ, и не бѣжала какъ вы бѣжите съ вашимъ перомъ. Въ Россіи всѣ знаютъ, что Юстиція сдѣлала уже большое усовершенствованіе; но ежели и есть не довольные, то пусть сами попробуютъ быть судьею: при самомъ справедливомъ разборѣ дѣла, вы, конечно, отдадите справедливость которой либо изъ двухъ сторонъ; но тотъ, кто проиграетъ дѣло, всегда, кто бы его ни рѣшилъ, скажетъ: въ Россіи нѣтъ

справедливости; я потерялъ дѣло, а былъ правъ! Россію въ юридическомъ дѣлѣ нельзя еще сравнивать съ другими Государствами. Одно изъ главныхъ золъ у насъ — это медленность хода дѣлъ и процессовъ, частію происходящая отъ старыхъ формъ, частію отъ дальняго разстоянія, по обширности нашего государства, присутственныхъ мѣстъ и наконецъ по неудобству сообщенія: нужно время, чтобъ все исправлялось по немногу.

Наша Россія велика, но народонаселеніе ея столь мало, сравнительно обширности земель, что нѣтъ силъ устроить все вдругъ, да еще и скоро. Верхній классъ народа, т. е. люди болѣе образованные, ознакомившись съ Европейскимъ состояніемъ старѣйшихъ державъ, требуетъ того же для Россіи; но сколько ни стремились чтобъ скорѣе всё устроить вдругъ, дѣло не шло; теперь же, когда приступили къ постепенному, обдуманному введенію нѣкоторыхъ улучшеній, такъ видны на дѣлѣ уже слѣды успѣха: уже извѣстно, что новое Гражданское Судопроизводство, равно и уголовное, пересмотрѣно и скоро будетъ обнародовано; но и за тѣмъ пройдетъ много времени прежде, чѣмъ оно введется вполнѣ; а между тѣмъ недовольные не перестанутъ роптать, а вы, Александръ Ивановичъ, по привычкѣ будете ихъ подстрекать къ тому.

Для новаго порядка, конечно, потребны будутъ новые люди, новыя силы, и мы уже видимъ, что въ постоянныхъ заботахъ нашего Государя этотъ предметъ составляетъ его попеченіе, и какъ уже мало по малу самъ онъ и преданные ему вѣрноподданные находятъ въ средѣ своей такихъ истинныхъ слугъ любимому своему Царю и общей цѣли ихъ — своему дорогому отечеству, не заимствуясь ученіями и Г. г. Герцена или Долгорукова, же-

лающихъ бранью и поруганіемъ всего достойнаго, въ видахъ ложной любви къ русскому народу, провести настоящую свою цѣль: быть для всѣхъ авторитетомъ всеоблемлющимъ, все-знающимъ, главное — придать своимъ журналамъ болѣе жизни, болѣе того товара, который пока еще наиболѣе требуютъ, то есть руганія и чрезъ это увеличить распродажу своихъ журналовъ; нѣтъ, Александръ Ивановичъ, вамъ не уронить ни въ чьихъ глазахъ достоинства нашихъ дѣятелей: Князя Горчакова, Милютина, Валуева, Головнина, и многихъ другихъ, по указанію Царя, вмѣстѣ съ Нимъ стремящихся къ благоденствію нашего роднаго Царства, Любезной Россіи нашей!

ГЛАВА V.

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ И ЗАГРАНИЧНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

Глава V.

Въ виду своей цѣли Лондонская пропаганда не останавливается никакими средствами, рѣшившись во чтобы-то ни стало ниспровергнуть по всюду существующій порядокъ въ надеждѣ личнаго возвышенія; она порабощаетъ умы своему вліянію, систематически ругаетъ всѣхъ безъ доказательствъ, бранитъ Царя, вызываетъ народъ къ бунту, соблазняетъ солдатъ къ измѣнѣ, возбуждаетъ мужиковъ къ грабежу и топору, наконецъ подстрекаетъ къ пожару и убійству. Всѣ эти наставленія мы пережили и привыкли уже слышать, что всё это дѣлается во имя любви къ Россіи и для пользы народа. Г. Герценъ сидитъ покойно у англійскаго окна и видя зарево петербургскихъ пожаровъ, наивно спрашиваетъ въ №. 137 колокола: „а что довело людей до этого средства и кто эти люди?“ Виноватъ, Александръ Ивановичъ, но трудно не видѣть въ этихъ словахъ весьма

неловкую шутку: сперва все возмутить, а потомъ спрашивать: да кто же возмутилъ?

Весьма натурально, что Г. Герценъ и самъ сильно былъ встревоженъ и конечно теперь мысль его: что̀ изъ этого выйдетъ и не призовутъ ли его въ Петербургъ управлять народомъ? Справедливость ему можно отдать только въ томъ, что онъ мастеръ владѣть собою, когда это нужно и вотъ является №. 138 колокола, гдѣ ни слова о всѣхъ бывшихъ пожарахъ, а вмѣсто того статья: *концы и начала*, нѣчто въ родѣ tutti-frutti, переборъ всѣхъ возможныхъ словъ и мыслей и конецъ тотъ, что нынѣ все жертвуютъ въ пользу мѣщанства: статья утомительная, ein Lied ohne Worte. Такое искусственное, не естественное молчаніе никого не разувѣритъ, чтобы комната его не была полна петербургскимъ дымомъ и чтобы онъ въ ней не страдалъ. Будьте, Александръ Ивановичъ, откровенны, отворите ваше окно, дайте дыму выйти, откройте ваши мысли: сознайтесь теперь, что цѣль ваша достигнута, а тамъ что будетъ, то будетъ! Впрочемъ, вы не могли скрыть вашего волненія и въ томъ же №. 137, въ статьѣ *смѣсь*, вы отвели свою душу.

Вы безъ всякаго права нещадно старались обидѣть московскихъ сенаторовъ, которыхъ лично вы не знаете и дѣйствія коихъ недоступны вашему сужденію, по удаленію вашему изъ Россіи; и такъ, не зная дѣла, вы изъ за-угла позволили себѣ неприличный поступокъ. Современная лѣтопись русскаго вѣстника, №. 20, достаточно объяснила недобросовѣстность вашего поступка; вы внѣ себя, въ исступленіи, сами того не замѣчая, высказали вашъ настоящій образъ мыслей, ибо вы разсердились, какъ еще небывало. Лишь только подняли одинъ уголокъ

вашего англійскаго одѣяла, которымъ вы прикрыты, лишь только обнажили малую часть истины, и вы уже неистово возстали: что-же будетъ, когда ваше покрывало сдернутъ совсѣмъ? Но увидимъ ли мы звѣря, который обороняется *воньо?* Извините за выраженіе, — оно ваше.

Далѣе ни съ-того, ни съ-сего вы объясняете, что животное царство не имѣетъ третьяго отдѣленія. Это Третье Отдѣленіе видно васъ очень безпокоитъ и на яву и во снѣ. Вы все еще вѣрите, что оно хочетъ васъ убить и разсердились, что надъ вами за это посмѣялись. Вы предлагаете убѣдиться, что васъ точно хотѣли убить и говорите, что можете указать путь, по которому вы получили о томъ извѣщеніе, и что даже лицо, въ высокомъ нравственномъ достоинствѣ котораго вы не сомнѣваетесь, можетъ намъ сказать — была ли эта шутка или нѣтъ; и за тѣмъ вы кончаете словомъ: *хотите?*

Александръ Ивановичъ! что будетъ хорошаго, ежели мы скажемъ: *хотимъ*? Вы не можете назвать это лицо: во первыхъ, вы его не знаете, потому что все это дѣло есть дѣло вашего воображенія, сонъ не покойной ночи; вовторыхъ, ежели бы предположить, что точно кто бы то ни было и сообщилъ вамъ о такомъ намѣреніи, то это есть только доказательство вѣрности извѣщенія, но не самаго намѣренія: ибо при дѣйствительности подобныхъ плановъ нѣтъ никакой нужды предварять о томъ или сообщать кому бы то нибыло; наконецъ въ третьихъ, допустимъ, что это нравственное лицо какимъ бы то нибыло путемъ провѣдало о предположеніи васъ убить и сообщило вамъ о томъ, но можете ли вы выдать его имя? Отвѣчайте сами себѣ.

Но позвольте въ заключеніе сего трогательнаго намѣренія объ убійствѣ замѣтить: вы сказали, что получили анонимное письмо о томъ при свидѣтеляхъ, а теперь говорите, что можете даже назвать то лицо, которое вамъ о томъ и сообщило?

Обратимся опять къ статьѣ 137 номера:

Вы находите въ современной лѣтописи отсутствіе того такта, того декорума, того нравственнаго чутья, при которыхъ человѣкъ никогда не берется за нѣкоторое оружіе. Сколько самонадѣянности выказываете вы въ себѣ, ибо осталось ли оружіе, за которое бы вы сами не брались, въ дѣлахъ, которыхъ вы не знали и не вѣдали? Вы говорите, что сенаторы избалованы и привыкли считать себя неприкосновенными, (вы не можете удержаться отъ тривіальныхъ выраженій и для краснаго словца, не жалѣя ни матери, ни отца, вы прибавляете — *статс-дамами общественнаго мнѣнія;* прилично ли подобное изрѣченіе, говоря о сенаторахъ: (вспомните, вѣдь и вашъ отецъ былъ сенаторъ) что они потеряли сознаніе о добрѣ и злѣ, что разразили тупо свой гнѣвъ на васъ, что изъ полицейской лужи брали каменья и каменья эти падали на нихъ обратно. Взгляните, Александръ Ивановичъ, въ это зеркало — не увидите ли своего фотографическаго портрета. Вы говорите, что упрекъ, вамъ сдѣланный, васъ не оскорбилъ; но въ этомъ никого не убѣдите: вы — сильно оскорбились, ибо жили до сего времени неприкосновенно и вамъ никто не сказалъ публично, что вы не правы, а потому это первое противъ васъ движеніе на васъ сильно дѣйствуетъ. Вы зажили до того безотчетно, что называете сенаторовъ будто у нихъ руки грязны: имѣете ли право это говорить и чѣмъ это докажете?

Присутствіе Сената составлено изъ лицъ, которыхъ жизнь предшествовавшая намъ давно знакома; многіе изъ нихъ, можетъ быть, не имѣютъ глубокихъ научныхъ юридическихъ познаній, но знаніе дѣлъ имъ не чуждо и честность правилъ ихъ не подлежитъ сомнѣнію. Ни одинъ изъ нихъ не игралъ государственными фондами на вѣрняка! Вамъ судить можно о вашихъ рукахъ, а запятнать цѣлую корпорацію — дерзко.

Ежели Современная лѣтопись упоминаетъ о свободныхъ артистахъ, то воленъ кто хочетъ подразумѣвать себя подъ этимъ именемъ; но случается, что наша пословица оправдывается: „знаетъ кошка чье мясо съѣла“! Стало быть вы сами себя признали свободнымъ артистомъ!

Потомъ опять наивно вы спрашиваете: „кого и когда наши совѣты погубили, кого свели въ казематъ и Сибирь? Не Михайлова ли?“ Да, Михайлова и многихъ другихъ и теперь, ясно почему въ 138 №. колокола вы замолчали; на вашей совѣсти лежитъ новая погибель лицъ, которыя къ вамъ стояли близко и вы сами испугались того, что надѣлали!

Вы упрекаете всякаго, кто выскажетъ хотя единое слово противъ вашихъ несправедливыхъ обвиненій и, гонялсь за фразой, говорите, что прежде нежели васъ судить, надо дать улечься дурнымъ сокамъ, поднимающимся съ кровью въ нашихъ головахъ! Понятно, что справедливый упрекъ вамъ непонравился, особенно когда онъ достигъ до непроницаемой защиты вашей, за спиною лондонскаго полисмена; да развѣ это неправда? Вы долго расчитывали на безотвѣтное ваше право въ печати и были покойны тѣмъ, что ни свободное слово и ни какой процессъ не возможны противъ васъ въ Англіи. Англичанамъ не понятны ваши дѣйствія, но ваше оружіе не противъ ея и направлено: оно все разрушаетъ

въ Россіи, подъ видомъ служенія своему Отечеству. Ваше слово не есть свободное слово, а слово неправды и злобы, безъ которыхъ вы конечно могли бы быть полезны вашимъ авторскимъ талантомъ.

Вы тоже весьма наивно говорите: зачѣмъ вамъ не указывали, что вы ошибались, что вы сбивались съ пути. Вспомните, Александръ Ивановичъ, сколько разъ вамъ присылали возраженія, оправданія и т. п., и чѣмъ же вы на все это отвѣчали? Не желаніемъ объясняться, небрежностію или молчаніемъ. Наконецъ, всего замѣчательнѣе, что вы кажется не давая себѣ отчета въ томъ, что говорите, придрались къ опечаткѣ слова — *математика!* Съ своей стороны прибавимъ, что въ этой же статьѣ есть и у васъ опечатка: въ 8й строкѣ сверху вмѣсто *посмотришь,* напечатано — *посмотришь.* Неужели все это предметы для обвиненія и порицанія?

Еще одно слово о No. 138. Тамъ напечатано объявленіе Долгорукова; что жъ это? Для пополненія листковъ? Долгоруковъ поссорился съ Г. Герардомъ за то, что онъ не нашелъ возможнымъ напечатать одну его статью и за это лишаетъ его права печатать журналъ — „Правдивый.“ Но было иначе: Г. Герардъ не пожелалъ быть слѣпымъ орудіемъ грязныхъ дѣйствій Долгорукова, подобно Франку въ Парижѣ и сказалъ, что прежде чѣмъ печатать, онъ будетъ пересматривать статьи и исключать всѣ грязныя выраженія. Не ужели Г. Герарду не осталось права отказаться по такому поводу, и не ужели контрактъ его обязывалъ печатать всё безъ исключенія — противъ Бога, противъ религіи, противъ справедливости, противъ святости семейной жизни, словомъ все, что авторъ пожелаетъ? Долгоруковъ не выѣхалъ добровольно изъ Парижа, а нравственно изгнанъ

оттуда: ему всѣ заперли свои двери и даже снисходительный книгопечатникъ Франкъ обратился къ нему спиною. Наконецъ даже изъ клуба, гдѣ онъ былъ членомъ, ему сообщили, что ежели онъ самъ въ 24 часа не пришлетъ прошенія объ увольненіи, то будетъ общею баллотировкою исключенъ; конечно ему ничего не оставалось, какъ прислать обратно свой билетъ. И такъ увидя, что всюду доступъ ему закрытъ, онъ переѣхалъ въ Брюссель, надѣясь, что тамъ никто не знаетъ его поступка, всѣ примутъ его въ свои объятія: плохой расчетъ на понятія бельгійцевъ о благородствѣ! Рекомендуемъ ему новую квартиру въ Тунисѣ: тамъ о процессѣ Воронцова и Долгорукова никто ничего не знаетъ и потому тамъ ему весьма удобно и называть себя княземъ.

Какая жалкая картина представляется намъ въ минуту столь важную и высокую, когда въ Россіи все приняло столь благородное и серьезное направленіе! Нельзя не сожалѣть глубоко, что горсть криводѣйствующихъ людей, могли чрезъ тайныя прописки нанести уже нашему дорогому Отечеству столь много вреда. Но, слава Богу, разумные люди сомкнулись около Трона и поняли — сколь необходимо единодушіе и общее содѣйствіе для общаго блага, и что пора настала высказать, что всѣ мы далеки отъ понятій и дѣйствій заграничныхъ дѣятелей!

Трудно остаться равнодушнымъ и спокойно видѣть какими людьми наполняется фаланга нашихъ преобразователей, какъ напр. на дняхъ явившаяся новая личность: *Мартьянова* и съ нимъ вновь возникшая литература: „письма къ Императору Александру II.“ Личность автора слѣдующая: сынъ крестьянина съ береговъ Волги, отецъ его управлялъ имѣніемъ графа Гурьева и слылъ

за хорошаго человѣка и сынъ его никогда въ точномъ смыслѣ крестьянскую жизнь не зналъ, какъ сынъ управляющаго; кромѣ обыкновенной школы, особеннаго воспитанія не получилъ, но всегда замѣтно въ немъ было много природнаго ума, чѣмъ онъ тщеславился, говорилъ весьма хорошо, бойко и былъ ловокъ въ торговлѣ. Отецъ прямымъ, хорошимъ путемъ пріобрѣлъ себѣ нѣкоторое состояніе; но не ново въ Россіи, что подобнымъ сынкамъ состояніе отцевъ часто служитъ во вредъ, быстро они его проматываютъ, какъ конечно поступилъ и Петръ Мартьяновъ. Сначала отецъ занималъ его по торговлѣ и одинъ богатый купецъ, полагая найти въ немъ точно даровитаго человѣка по коммерціи, постарался опредѣлить его агентомъ по сей части въ торговомъ управленіи, но черезъ полгода, онъ ознаменовалъ себя утратой суммъ и былъ оттуда уволенъ. За симъ поступилъ онъ въ Общество „Кавказъ и Меркурій,“ въ короткое время выказалъ тоже самое и вновь былъ удаленъ. Видя свое положеніе въ Россіи испорченнымъ, онъ удалился за границу и присоединился къ компаніи преобразователей Россіи; теперь занимается письмами къ Русскому Царю съ наставленіемъ ему уроковъ какъ слѣдуетъ управлять Царствомъ!

Нельзя не удивляться — до какихъ странныхъ дѣлъ доводитъ иногда заблужденіе ума человѣческаго: довольно было до сихъ поръ печатано писемъ изъ Петербурга, *отъ такого-то къ тому-то, отъ офицеровъ, отъ студентовъ, отъ неизвѣстныхъ*, и казалось, подъ этой формой можно дать достаточно воли своему воображенію, подобно Кюстину, который, желая высказать свои мысли, прибѣгалъ обыкновенно къ выраженію: *говорятъ, on dit.* Такъ этого мало, нужно было еще начать пи-

сать письма къ Царю и отъ кого же? Отъ подобныхъ Мартьянову! Не стоило бы конечно и упоминать объ этомъ, ежели не было бы напечатано письма его къ Русскому Царю въ колоколѣ.

Радостно и утѣшительно видѣть постоянную заботу нашего Императора о благѣ Россіи, при содѣйствіи достойныхъ помощниковъ, съ которыми онъ твердо идетъ на пути успѣха и, помимо этихъ дѣятелей, не нужно нашему Государству тѣхъ не призванныхъ преобразователей, которые навязываютъ намъ свои зловредные совѣты или свои шаткіе взгляды, отставъ давно отъ Россіи.

Прочные совѣты къ Царю идутъ у насъ отъ самихъ Министровъ: такъ на дняхъ вновь воспослѣдовало Высочайшее утвержденіе на представленіе Г. Министра Финансовъ Рейтерна, о дозволеніи опредѣлять людей безъ чина въ должности бухгалтеровъ, контролеровъ и т. п. Важный шагъ въ нашей служебной іерархіи и такъ какъ подобная мѣра уже не первая, то всякому свѣтлому уму понятно будетъ, что этимъ путемъ, своими родными, отечественными силами, Отечество наше надежно пойдетъ впередъ, безъ непрошенной помощи чуждыхъ своей родинѣ соотечественниковъ! —

2007051181